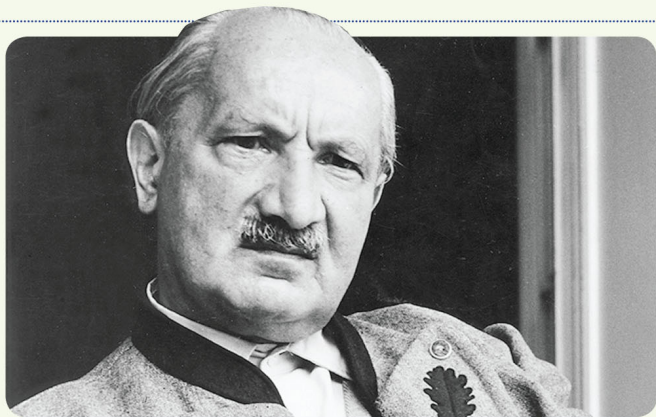

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА

А Л Е Т Е Й Я

Мартин Хайдеггер

Постижение смысла

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68624578

Постижение смысла / М. Хайдеггер: Алтейя; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00165-522-0

Аннотация

Данное издание представляет собой перевод 66 тома Собрания сочинений Мартина Хайдеггера – «Besinnung» («Постижение смысла») (1938/39), вышедшего только после смерти философа в составе более чем 100-томного собрания издательства «Vittorio Klostermann». Издательство представляет данную рукопись как основоположение философии «другого Начала», свойственной «позднему» Мартину Хайдеггеру. Она развивает идеи «Докладов к философии (О событии)» (том 65 Собр. соч.) и превращает их в основания нового постижения Бытия. Написанная в лесном изгнании, в секрете от любимых учеников, рукопись «Постижения смысла» выражает критику национал-социалистической диктатуры – отрицание национального подразделения народов в зависимости от их национальности. Главная мысль рукописи – прояснение смысла понятий философии «другого Начала».

Издание 2-ое, дополненное

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

I. Введение	5
1. Эпиграф из Периандра и Эсхила[1]	5
2. Иное мышление	6
3. Скачок	7
4. Стражи-хранители	8
5. Знание	9
6. Слово	10
6а. Мы не знаем целей...	11
6б. Здесь-бытие	12
7. ΑΛΗΘΕΙΑ	13
II. Скачок вперед в единственность пра-бытия[5]	15
8. К постижению	15
9. Махинативность (die Machenschaft)[7]	17
10. Завершение современности[10]	33
11. Искусство в эпоху завершения современности[12]	39
12. Изначальное мышление, которое создает готовность...	58
III. Философия	62
13. Философия	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Мартин Хайдеггер

Постижение смысла

MARTIN HEIDEGGER

GESAMTAUSGABE

III ABTEILUNG:

UNVERÖFFENTLICHTE

ABHANDLUNGEN

VORTRÄGE – GEDACHTES

BAND 66

© А. В. Перцев, О. А. Матвейчев, перевод на русский
язык, 2022

© Verlag Vittorio Klostermann (Frankfurt am Main), 2009

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Дизайн обложки И. Н. Граве

* * *

I. Введение

1. Эпиграф из Периандра и Эсхила¹

μελέτα τὸ πᾶν.

*Periander*²

Охвати заботой сущее в целом.

Периандр

ἅπαντ' ἐπαχθῇ πλὴν θεοῖσι κοίρανειν

*Aischylos, Prometheus v. 49*³

Все тяготит, кроме единственного — власти над
богами.

Эсхил. Прометей, стих 49

---

¹ H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch u. Deutsch. Fünfte Auflage, hrsg. v. W. Kranz. Bd. 1, Berlin 1934. Kap. 10, Die Sieben Weisen.

² H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch u. Deutsch. Fünfte Auflage, hrsg. v. W. Kranz. Bd. 1, Berlin 1934. Kap. 10, Die Sieben Weisen.

³ Aeschyli Tragoediae. Recensuit G. Hermannus. Editio altera. Tomus primus. Berolini 1859.

2. Иное мышление

Сперва возьми угли последнего жара благословения
Из темного очага пра-бытия,
чтобы они воспламенили встречное противничество-
ответствование на вызов:
божественность – человеческость в Одним.

Брось жгучую нужду в смелом просветлении
меж миром и землей как песнь
всех вещей – к созиданию
радостной благодарности по праву и достоинству.

Скрой в слове тихую весть
О скачке, совершенном через большое и малое,
и потеряй пустые находки
внезапных кажимостей на пути к пра-бытию.

Лето 1938

3. Скачок

Бери, бросай и таи,
и пусть будет скачок
из самого дальнего воспоминания
в какую-то не имеющую основы область:

Несешь ли ты от себя пред собой
Какое-то Кто?
Кто есть человек?

Скажи, не медля,
Каково оно-Что?
Что есть бытие?

Никогда не пренебрегай
Тем, каково Как?
Какова связь меж ними?

Человек, истина, пра-бытие
Ответствуют друг другу,
Возвышая свою суть вплоть до отвержения
и в этом обретают свою значимость.

4. Стражи-хранители

Подземная гроза катит,
неслышно для всех многих, вдаль
в надмировые пространства
дальше – толчок пра-бытия.

Мир и земля давно перемешаны
нарушены, повинясь закону их спора
уйдя от простого отношения вещей в их скромности,
Числа столпились, сгрудившись в пустые множества
не привносят ничего больше в связи и образы
«Сущее-бытующим» считается то, что «живет»
но «жить» – это только лишь выкрик
шумного субъективного-мнящего,
которое уже чересчур припозднилось,
чтобы дать какое-либо последующее.

И все же они бдят
Тайные стражи-хранители
не произошедшего еще преобразования – преображения:
далекий толчок-импульс пра-бытия
меж угрюмым деланием и содеянным.

5. Знание

Но мы знаем начало
Начало иного, знаем его, вопрошая
стоим в преддверии-готовности к прыжку
ко всякому Да и Нет.

Мы, правда, никогда не *есть* знающие
и все же мы – суще-бытующее в знании
вопрошая о нас, идя от
просвета бытия.

И все же выбор-решение его
призовет ли оно, разбивая силу или бессилие, к земле
мир в споре
принесет ли нужду-потребность в божестве
и со-бытует ли наивысшую тишину и покой
к Вот-Тут-Бытию человека.

6. Слово

Ничто, Нигде, Никогда
пред всяким Нечто, до всякого Тогда и Там

не избегнет слово без-дно-основы
которая даст-сообщит то
что не удастся дать всякой основе,
так как только союз
со сказанным
сделает всякую вещь особой – штучной – вещью
и дико запутает-рассеет смыслы, за которыми идет охота.

6а. Мы не знаем целей...

Мы не знаем целей
и есть только движение-ход.

Мы не нуждаемся во Многих
которых уже давно поглотила
жажда к содеянному-сделанному
Так, что только Один принес бы
сердце для голоса
тишины-покоя в пра-бытии
что взломало бы и смирило бы
дикое в ларце, где хранится основополагающее
и это наше мужество.

66. Здесь-бытие

То, что Здесь-бытие было бы,
дабы поведать пра-бытие,
Вынести из него необходимость-нужду
в ширь взгляда-взора, который видит заповеданное
То, что Здесь-бытие было бы,
Дабы пра-бытие вернуть назад к чуткому уху Того,
кто предпочел бы тишину-покой сделать своим уделом —
То, что Здесь было бы,
Дабы петь-воспевать пра-бытие,

возвращая его из далекой песни домой, на родину,
что долго избегалось и чего долго недоставало
как силы его сущности.

7. ΑΛΗΘΕΙΑ

Ἀρχὰ μεγάλας ἀρετᾶς
ὄνασσο' Ἀλά-θεια, μὴ πταίσης ἐμάν
σύνθεσιν τραχεῖ ποτὶ ψεύδει...

Pindar, Fragm. n. 205 (Schroeder)⁴

Начало годности к величию,
Госпожа божественная, несокрытость,
да не отвергни когда-либо мое настоящее вникание в
тебя
дико-грубым (суровым) обращением-превращением...

* * *

В свободном мыслительском толковании:

Истина (просвет) пра-бытия есть пра-бытие заблуждения

—

---

⁴ Пиндар, Фрагмент 205 (Шрёдер). «Начало годности к великому, Владычица Божественная Несокрытость, состояло бы в том, чтобы ты когда-либо не оборвала мое настоящее вникание в тебя дико-жестким (грубым) искажением...» 205. Начало высочайшей доблести, Владычица Правда, Не споткни мою речь о жесткую ложь...

Поворот-обращение того, кто забрел в заблуждение (так же как возврат в прежний мир-царство), позволительно только в таких местах.

Но какое обращение-поворот?

Просвет есть без-дно-основа как нужда-потребность
в осново-положении.

В свободной передаче мыслителя:

Истина (просвет) пра-бытия есть пра-бытие заблуждения – заблужденность (как состояние, такое же, как богатство), уместная и позволительная лишь в этом месте. А верно ли обратное? Просвет есть без-дна – как выражение нужды в основе.

Из просвета пра-бытия поднимается, возникая, изначально-ность единственного-уникального в суще-бытующем, которая уже несравненно превосходит длительностью всякую «вечность», к которой мы постоянно приплюсовываем в до-весок себя как чисто-пустое оставание там.

II. Скачок вперед в единственность пра-бытия⁵

8. К постижению

Только исходя из начала [слоистой] истории (Geschichte) «этого» пра-бытия, будучи свободным от любой истории (Historie), *мышление* сможет подготовить готовность для положения основы того *одного выбора* (ср. ниже S. 45) (ср. Размышления XII, 29⁶ более подробно изложенное понимание выбора), а именно только это: пересилит ли человека махинативность суще-бытующего, превратив его в существо, склонное проявлять силу без всяких ограничений, либо пра-бытие щедро дарует основу его истины как жестокую нужду в ней, из которой пересекутся, как крест, ответствование-распротивление Бога и человека со *спором* земли и мира. Такое перекрещивание есть противоборство противоборств: со-бытие, в котором суще-бытующее только и вернет свое принадлежание пра-бытию. *Война* – это толь-

---

⁵ «К постижению» (Махинативность – Истина пра-бытия). Завершение современности. 1. Метафизика Ницше и ее разворачивание О. Шпенглером и Э. Юнгером. 2. Искусство и эпоха (История искусства и «науки»)

⁶ In: Überlegungen C. Gesamtausgabe Band 96.

ко непокоренно-непересиленная махинативность суще-бы-
тующего, *мир* – это только кажущееся утихомиривание этой
непокоренности. Но *борьба* – это контригра, в которой про-
исходит взаимоодаривание-наделение сущностью, исходя из
учтивости гордости взаимоотвергания. «Борьба» мыслится
здесь, исходя из тиши-покоя сущения. «Борьба» – это слиш-
ком человеческое название отделенного от человека «со-бы-
тия». Пра-бытие – это со-бытие, которое может быть выне-
сено вовне: *Aus-trag* как *вы-несение* – *у-лаживание* (ср. ниже
S.84). Мышление в будущем станет вы-думыванием-раз-ду-
мыванием (со-бытующим с бытием сказыванием в без-кар-
тинном, не наделенном образом слове) готовности к [слои-
стой] истории перехода (преодоления-раз-веивания по ветру
метафизики).

9. Махинативность (die Machenschaft)⁷

Махинативность означает здесь все делающую и все исчерпывающую делаемость суще-бытующего – так, что в ней только и определяется сущность покинутого пра-бытием (и основанием его истины) суще-бытующего. («Делаемо» понимается здесь подобно тому, как понимается соотношение слов «будимо»=«бдяще» (»wachbar«=»wachsam«), а потому *делаемость* толкуется в смысле махинативной махинности. *Махинативность* есть самонастраивание на махинативную махинность всего, а именно так, что предопределено Неудержимое-Беспрестанное безусловного рассчитывания-высчитывания всего и вся. Нечто в этом роде допускает, что где-то там с краю существует «прогресс» – ведь он, как кажется или мнится, способен преодолевать разрушение как симптом «регресса». Однако делаемость располагает-распоряжается сущим-бытующим как таковым в игровом пространстве постоянно примешивающегося к ней прогрессирующего *уничтожения*. Постоянно уничтожающая и разворачивающаяся уже через посредство одной только угрозы уничтожения сущность махинативности – это насилие. Оно развивается в обеспечении силой – как тотчас же срывающейся с тормозов и всегда готовой перемениться способности к какому угодно и при этом превосмогающему и распространя-

---

⁷ Ср. Bd. 65.

юще-подавлению-подчинению. Пребывающее в сущности махинативности насилие в любом случае зависит только от силы и никогда не становится основой власти; ведь махинативность есть предваряющее все, что делается, стреноживание-сковывание и, наконец, подкапывание-подрывание всякого выбора. Господство, однако, проистекает из полагающей основы способности делать выбор; господство обладает не только достоинством, оно есть свободная способность изначального признания достоинства не только какого-либо суще-бытующего, но и самого пра-бытия. Господство есть достоинство пра-бытия как пра-бытия. Все и всяческое господство – изначально, и представляет собой господство начала. Махинативность требует под множеством масок разнообразных насилий заранее полностью обозримой рассчитываемости того, насколько подлежащее подчинению суще-бытующее обладает устройством, которым можно располагать и воспользоваться; из этого существенного, но в то же время завуалированного требования проистекает современная техника. Она высвобождает человека в его порыве к разделению на части своей массовой сущности, она преодолевается всяким человеческим обособлением, поскольку должна быть включена в то, что может быть сделанным – как со-делающий (и лишь *по видимости* еще направляющий и ведущий) субъект. Поскольку человек и в эпоху махинативности, обретшей полномочия к ее неограниченному насилию, понимает себя как животное (живое существо), для него са-

мого (равным образом как для «мы», так и для «я») остается еще только «пере-живание-выживание как единственный способ вести себя и держать себя, который обеспечивает ему видимость самоутверждения по отношению к суще-бытию-щему в окружении махинативности. Возрастание широты и быстроты, дешевизны и открытости «переживания-выживания» есть признак того, что пали последние ограничения для насилия махинативности. Эпоха завершения современности (ср. 10. Завершение современности) уже имеет своим существенным следствием силовое превосходство техники над сущим-бытующим и ее бессилие перед пра-бытием – и никогда не может определить технику своей основой. Для этой эпохи уже недостаточны и такие характеристики, которые предполагают термины «цивилизация» и «культура». А именно: и та, и другая относятся к современности, но – к подготовительному ее периоду, который уже закончился. В обеих сущность техники еще сдерживает себя и потому преподносит себя только как особую область и как прежде всего ограниченную форму обуздания вещей и массовой сущности человека (ср. 65. Техника).

Махинативность как суть суще-бытующего, как вид, в котором она расхожа, вынуждает предоставлять полную свободу действия всем тем силам, которые способны проявлять силу и преобразовывать форму проявления силы, – свободу в самопересиливании силы. Сообразно этой основополагающей сути силы, она уже постоянно продолжает себя в расши-

рении и повышении, позволяя этому привнесению считаться лишь более поздней добавкой, которая может выказать себя и быть замеченной лишь во внешнем процессе. Это протекающее в таком продолжении самопересиливание силы вызывает себя в разнообразных проявлениях, которые – в том виде, как они познаются – обретают толкование с помощью унаследованного набора-запаса метафизических понятий.

Ведут речь о «динамичном» – и полагают, что удастся лучше и точнее определить самопереполнение-потоп предоставленных самим себе и отпущенных на волю силовых процессов, если вообще не говорить о сущности силы.

Называют это «*тотальным*» и думают при этом о своеобразии сущности силы, выражающейся в том, что она не может терпеть ничего, что оставалось бы за пределами круга ее действия – ничего, о чем можно было бы еще говорить как о «действительном».

Указывают на «имперское», касаясь тем самым приказного характера силы, чтобы преодолеть который, следует просить, вести переговоры или выжидать удобного случая; ведь ее пересиливанию самой себя присуще приказное подчинение всего того, чему только ни случится обнаружиться в располагаемой ей округе.

Упоминают «рациональное», имея ввиду тот характер расчетливости, который присущ всякому руководству, осуществляемому в приказном порядке, которое циркулирует в замкнутом кругу распределения сил и руководства ими.

Указывают на «планетарное», желая сказать, что осуществления силовых полномочий не только всякий раз «тотальны» в себе (будучи соотнесены с государством, с народом), но и устанавливают пределы свои только на границах населенного земного шара и его окрестностей, находящихся с распоряжении (атмосферы и стратосферы), что в то же время должно говорить о том, что планета в целом как структурное образование власти «вовлечена в действие», а потому неприступна для разведывания каким-либо планетарным противником.

Однако все эти и прочие признаки сущности силы никогда не достаточны – потому что они несущественны – для того, чтобы постичь махинативность как таковую, то есть для того, чтобы понять ее с точки зрения истории пра-бытия как форму господства Самоотвергающего пра-бытия и его истины, основание которой не положено; ведь такое понимание осуществляется единственно в ходе выбора, посредством которого махинативность как таковая будет зафиксирована на одной из сторон – и, тем самым, вообще в ее разоблаченной сущности. Но вся силовая и насильственная сущность – это само по себе уклонение от такого выбора, которое как раз потому и оставляет скрытым своеобразие сущности силы, что ее приказной характер выходит на передний план, но приказ представляет собой менее всего продолжение решимости выбирать и форму ее выражения. Но не всякая решимость проистекает от выбора; а если и так, то выбор вовсе не

обязательно должен быть существенным – такого рода выбором, что в нем была бы поставлена на карту сущность самого пра-бытия. (Поэтому все властители так любят ссылаться в оправдание на свою «новоиспеченность», потому что она привносит потребное незнание, которое скрывало бы ту беспардонность и неспособность проявлять почтение, которые нужны, чтобы произвести запланированное разрушение под видом нового прорыва – и при этом уклониться от всякого выбора).

Из такого лишь поверхностного познания и толкования махинативности – в смысле вышеупомянутых признаков – возникает позиция, занятие которой предполагает, что посредством простого согласия-признания распоясавшегося в разгуле насилия превышения власти можно принять и признать то, что «есть». Это принятие «действительного» толкуют как «героизм». Но названное так имеет все признаки «капитуляции» перед налицо данным как таковым – перед махинативно определенным, то есть перед покинутым бытием суще-бытующим самим по себе. Там, где принимается только экстраординарное, там предварительно не постигнуто то, что было необходимо. Оно, однако, может быть постижимо, только исходя из знания одолевающей и пронизывающей сущее-бытующее *суровой нужды*, уязвляющей сущность в самое существенное. «Героический реализм» – по видимости, наивысшая форма знания о позиции, которую следует занимать по отношению к сущее-бытующему – приводит

только к наиболее потаенному виду уклонения от бытия; он есть наиболее яркий признак-примета забвения бытия, который выдается за способность резче и четче всего видеть то, что «есть»; и, тем самым, он публично доказывает свою сообразность времени в эпоху, когда современность начинает обретать завершенность.

И все же все попытки «мировоззренческого» толкования нераспознаваемой впутанности в сокрытую историю (Geschichte) эпохи всегда остаются поверхностными – и бесплодны, поскольку не готовят никакого первоисточка, исходя из которого, можно сделать выбор. Для постижения, напротив, имеет существенное значение возрастающее знание о сущности силы – и о том, что дает существенный эффект при самопересиливании силы.

А именно: отличающее всю и всякую силу самопересиливание-самопреодоление имеет за собой способность преодолевать всякую силу – по степени и широте, достигнутой всякий раз на данный момент (присущее силе уничтожение как пред-форму существенного для ее безусловности опустошения); сила предает сама себя и отказывается сама от себя по отношению к каждой достигнутой на данный момент фазе силы – и впадает присущее силе себялюбие-самолюбование, заключается которое состоит в безусловно-беспредпосылочной концентрации на себе самой. Поэтому и одна такая как-бы предпосланная махинативностью, словно участь, сущность силы обеспечивает сущение-бытование того бы-

тия, которому свойственно метафизически давать опору человеку как «субъекту» и продолжать подтверждать ему его «оправданность-правомерность» перед им самим – ведь там, где сила пересиливает-превозмогает сама себя в насилии, кучей множатся кучей ссылки на «право»⁸, ведь это слово всего лишь обозначает то, что должно наперед устанавливаться в ходе самопересиливания-самопреодоления как притязание на распространение силы и на осуществление насилия.

Свойственный всякому разворачиванию силы поиск все новых и новых и все более и более подходящих противников приводит на основе безусловности-беспредпосылочности силы, в конечном счете, на крайнюю фазу запустения – в круг силы, уплощенный под давлением, подчиненно-подавленный, лишившийся всех и всяческих ограничений. С достижением этой фазы запустения, которое преподносится более настойчиво и навязчиво, чем когда либо ранее, в виде созидания, эффективности и производительности, в виде силы в действии, «решительного порыва-вступления в дело» – и, если понимать это сообразно насилию, именно таково и «*есть*», – достигается, однако, «точка», в которой разрушение становится невозможным. Разрушение здесь значит: производить окончательное воспрепятствование существованию всего, доньше существовавшего, исходя из уже осуществленного выбора какого-то иного начала. Но запустение есть погребение всякой возможности начала по при-

---

⁸ Что еще здесь называется оправданием силы.

чине полного ослепления эгоизмом, который беспредпосылочно обрел безмерность – ослепления, которое вынуждено признать своим недоступным для атак противником постижение – признать в той форме, в которой делает признания насилие, представляя то, что оно признает, в виде якобы ничтожности «смехотворного» и слабого. Но и это самосохранение сущности силы – это существенное следствие махиноности, в которой все суще-бытующие и «субъект» в особенности сданы-брошены в безосновность истины забытого бытия.

Превосходящая сила махинативности ярче всего проявляется там, где она одолевает и мышление, завладевая им, и обустроивает махинативно мышление суще-бытности существующего, а именно так, что само бытие делается тем, что [силой] делает себя само – обустроивает и сооружает. Предварительным условием этого выступает, в первую очередь, толкование бытия как «объективности» «объекта», как «предметности» предмета. «Предметность» «конституируется» – и эта «конституция», в свою очередь, оборачивается само-конституированием «субъекта», то есть самоконституированием «мышления». «Бытие» так «конститутивно» понимается как «становление», но так как формой этого «становления» выступает время, на этом махинативном пути изложения бытия возникает в результате само собой разумеющаяся взаимосвязь между «бытием» и «временем» – это ходы мысли, которые *не могут иметь ничего общего* с тем,

о чем первоначально вопрошалось под названием «Бытие и время» — но также и такие ходы мысли, которые не могут иметь ничего похожего с тем, что они превозмогли и преодолели: с бытием как махинативностью, которая вынуждает к тому, что еще и мышление ее сущности должно быть сообразным ей по виду — следствием чего оказывается то, что этому мышлению — то есть метафизике — не удастся когда-либо натолкнуться на истину пра-бытия даже только как на то, о чем можно поставить вопрос.

Не в меньшей степени укорененное в метафизике, однако кажущееся само по себе «естественным» и привычным обыденное мышление лишено всякой возможности исходить, мысля, из вопроса о бытии, поскольку оно даже еще более огрубленно внедряет махинативность — как нечто привычно-домашнее — в сущее-бытующее. В неограниченном поле махинативности, которое открывается в рамках Озабоченности Повседневным, в качестве обустройства сил распространены только «цель» и «средство»; и это происходит таким образом, что все цели — и то, что напрасно представлялось в качестве целей — опускаются до уровня средств, сравниваясь по статусу с ними. Разумеется, средства обретают в Процессуальности Опосредствования свой особый закон. Они опосредствуют только лишь опосредствование как таковое — чистое силовое разворачивание силы как силы, которая насильственно втягивает сама себя в образ чисто силового распространения силы. Цели становятся излишними

под гнетом действительности чистого процесса силового распространения силы.

Борьба между ответствованием-распротивлением и спором есть просветное со-бытие-с-бытием, в котором Бог освещает Землю в ее змир, исходя из чего, мир ожидает Бога и Земля принимает человека. Этот просвет освобождает все и всяческое сущение сбывшегося событийно, отпуская его в без-основность со-бытийного-с-бытием. Но это – мышление называет в нем пра-бытие – не высится, господствуя, словно на троне, над сбывшемся событийно как нечто потустороннее и не объемлет – словно лишенная определенности пустота – всего лишь космос сущего-бытующего, но есть то Между Тем, которое доньше разворачивается в простираниях самоудаляющегося в иное (игры времени – пространства), и оно должно быть основано-положено «человеком» – как «Вот-Тут» – в каковом положении основы человек только и находит свою иную сущность, исходя из которой, ему обретается основательность и значимость: Вот-Тут-бытие.

Это Вот-Тут-бытие есть перенятие на себя острой нужды положить какую-то основу истины пра-бытия; оно есть начало [слоистой] «истории», в которой нет истории как *Historie*. Готовность к такому перенятию на себя, приуготовленная в образе некоторого знания пра-бытия, называет себя постижением-усмотрением смысла пути «мышления»; потому что мышление выраспрашивает истину пра-бытия в лишенном картин-образов сказывании слова. Но *слово* есть глас

борьбы между встречей-распротивлением и спором – слово, которому задало тон настройки со-бытие-с-бытием, слово, пронизанное просветом и уходящее звучанием в безосновность-пропасть пра-бытия. Сообразно контр-игре со-бытования с бытием, каждое существенное слово (каждое сказывание-изречение) многозначно. Но такая многозначность не ведает как-угодности приблизительности, проистекающей от разнузданности, она остается захваченной-включенной в богатство единственности пра-бытия. Поскольку в слове и как слово сущится бытие, вся и всяческая «диалектика» «предложений» и понятий движется в постоянно предметно-противостоящем и не допуская сделать какого-либо шага к постижению.

Но все же это постижение, приходя из преодоления «метафизики», вынуждено повсюду еще задевать-затраивать доныне существовавшее, прежнее – и не может натолкнуться на готовое годное для себя изложение-представление ни в качестве «учения», ни в качестве «системы», ни в качестве «напоминания-предостережения», ни в качестве «поучения». Добротность и строгость этого мышления – в сравнении со всякой никчемностью мнения мнений и всяческой расхлябанностью сказывания – имеет свое укоренение и разветвление в сущности истины пра-бытия, которая – пребывая в независимости от всей и всяческой силы действительности-эффективности и не будучи заставляема впадать в бессилие только лишь представленного – вынуждена основываться

ваться в Нигде и в Никогда сущего-бытующего, в безместном месте и в бесчасовом времени борьбы со-бытования-с-бытием; и в этом со-бытийствовавшие-с-бытием призываются к их сущности, каковой призыв к сущности пра-бытия ответственен слову, и мышление «этого» пра-бытия предопределяет-предназначает к сказыванию.

Подготовка этого единственного выбора может быть осуществлена только в процессе скачка вперед – к сообразной ему решимости-решительности, которая сама – если рассчитывать по меркам истории-Historie-исторически еще не «действительна», не заметна и не действительно-эффективна, однако переняла [слоистую] историю Иного Начала как [слоистую] историю сущения истины пра-бытия.

Этот выбор поэтому никогда не есть какая-то историческая критика, которая всякий раз вынуждена оставаться внутри ее эпохи. Выбор готовится как постижение сути эпохи, которая состоит заключается в *завершении современности*. Это завершение есть [категорическое] Либо – по отношению к [категорическому] Либо другого начала.

Подготовка выбора заключается в переходе – и, тем не менее, избавлена от Отчасти нерешительности. Переход опирается и поддерживается в ясности своей, знании о сущности завершения метафизической эпохи и посредством того уникального выпрашивания-расспрашивания истины пра-бытия, которое остается недостижимым для любой метафизики. Постигание как изначальное единство этого [слоисто-ис-

торического] знания и этого выпрашивания-расспрашивания – единство, само понужденное выбором и выступающее его неотъемлимой составляющей, только готовит этот выбор. Оно само не только [слоисто]-исторично, но и само есть основа смены сущности освобожденной от всей и всяческой истории-Historie – в смысле со-бытования-с-бытием той борьбы, которая происходит по ту сторону махинативных войн и наведений мира. Этот выбор не делается как «акт» отдельных людей. Он есть толчок самого пра-бытия, благодаря которому, и посредством которого, махинативность суще-бытующего и человек как историческое животное отделяется от безосновности пра-бытия и передается своей собственной беспервоначальности. Поэтому подготовка выбора не означает затевание его самого – так, как будто бы он представляет собой какой-то один возможный вариант делаемого человеком наряду с каким-то другим возможным. Готовится только пространство – время-игры, в котором должно [слоисто]-исторично произойти *сущностная* перемена, (а не только лишь количественное изменение или перевоспитание) animal rationale. Для такой подготовки, мыслительское постижение тоже должно стать только лишь *одним* из действий – вероятно, дальше всего наперед-продумываемым, и потому само вовлеченное в самое острое постижение – как *изначальное* самопостижение философии. Но мыслительское суждение не может стать подлинно сущеносным словом – это требует поэта, который должен про-

изойти из того рода, который берет начало от Гельдерлина («Как в праздник...»)

Но мыслительское постижение должно постичь суть завершения современности и оставить позади себя все мышление, которое остается зависимым от метафизики и там, где оно, по видимости, отвергает ее, держась мнения, что посредством не задавания больше вопросов обрело господство над нею. Но «метафизика» – что постоянно значит здесь одно и то же: господство безосновного в его истине бытия, определенного из мышления как представления – может быть преодолена только посредством более изначальных вопросов, чем ее подлиннейшие-собственные вопросы и тем самым возвращена назад в ее полную [слоисто-] историческую необходимость.

Вопрошать более изначально означает, во-первых: возвысить оставшееся существенно неспрошенным, без вопроса (истина пра-бытия, а не истина суще-бытующего) – как пра-бытие истины – до статуса наиболее заслуживающего вопрошания (и наиболее заслуживающего сомнений); спрашивать более изначально означает, во-вторых: впрыгнуть в до сих пор сокрытую [слоистую] историю пра-бытия и, тем самым, постичь саму [слоистую] историю в целом более существенно, чем любой род истории-Historie. Поэтому, постижение нуждается в знании о сущности «своей» эпохи, то есть той эпохи, которую оно уже покинуло и должно покинуть в тот момент, когда начинается ее завершение (ср. 10. Заверше-

ние современности).

Ср. выпрашивание-расспрашивание истины пра-бытия, которое само как вопрошание никогда не переводит к какому-то ответу, а только лишь и единственно переотвечает *себе* на голос тишины – исходящий из пра-бытия как соответственный (stimmende)⁹ его сущению ответ.

---

⁹ Игра слов: stimmende (соответствующий) – дающий голос (Stimme). – Прим. пер.

10. Завершение современности¹⁰

Завершение современности есть одновременно завершение метафизической – опирающейся на невысказанную и высказанную метафизику – историю Запада. Точнее: завершение метафизики определяет и несет с собой начало завершения современности.

Завершение означает здесь не ограниченное никакими рамками, а потому не запутанное, простое и бесхитростное вступление в силу разворачивающейся сущности эпохи. Завершение поэтому не есть чисто только приращивание-дополнение какого-то отрезка, который еще отсутствовал, а потому и не окончание чего-то такого, что в основе своей уже известно. Завершение, скорее, привносит последнее и наивысшее Отчуждающее в эпоху, которая не прекращается с его привнесением, но *начинается* господство сущности. Завершение метафизической эпохи поднимает бытие в смысле махинативности к такому «господству», что в нем происходит забвение бытия, и, тем не менее, суще-бытующее такой сущности практикуется как Единственное, доводясь до безусловно надежного представления и поставления промышленностью. Такое возводимое – обустраиваемое представление и поставление промышленностью решает – опре-

---

¹⁰ (ср. «Обоснование картины мира, свойственной Новому времени, посредством метафизики». Июнь, 1938). Дальше на немецком.

деляет, что допустить в качестве суще-бытующего, а что отвергнуть – как не-суще-бытующее. Все делающая и все улаживающая возможность-стать-сделанным суще-бытующего – это махинативность, которая пред-определяет и сущность ее действительности, и придает действительности ее единственный смысл. Действительно-эффективное не рассчитывается – высчитывается, как таковое, с ориентацией на ближнюю перспективу «целей» некоего суще-бытующего, но существует только в виде разворачивания в действии самой *махинативности* (бытия). Махинативность в то же время правит как незнаемое в своей сущности, а также непознаваемая для любой метафизики причина интерпретации действительно-го как «воли к силе». Суть ее состоит в необходимом, а потому и неустранимом пересиливании всякой силы, каковое пересиливание пред-полагает принадлежащей к ее сущности делаемость махинативности – пред-полагает наперед, а не только, скажем, как следствие. Планирования, высчитывания, сооружения-обустройства, сурового дисциплинирования требует таким образом пришедшее к господству суще-бытующее – и, тем самым, требует принятия-одобрения «становления» – не в намерении достичь прогресса в движении к какой-то цели и «идеалу», а ради становления самого по себе, как такового; ведь им движет пересиливание-обретение превосходства в силе, потому что только в нем и может продержаться и выдержать любая сила. Но, в сущности, сначала требуется «становление» посредством самой махи-

нативности, *потому что* она проистекает из сущности бытия – как при-сущность-при-существование и постоянство. Бытие есть становление – и посредством этого бытие не отрицается – наоборот, его изначальной сущности φύσις-ιδέα-οὐσία обеспечивается посредством суще-бытийности как махинативности предначертанное отсутствием обоснования истины исполнение сущности (ср. внизу S. 92f., 110f.). Кажущееся первенство «становления» по отношению к «бытию» – это только лишь самоуполномочивание возможности быть сделанным, только лишь наделение себя силой для обеспечения постоянства своей безусловной при-сущности.

Единственными *разворачиваниями* последней западной метафизики – метафизики Ницше – которые стремятся к завершению современности, и которые заслуживают внимания, выступают историческая метафизика цезаризма *О. Шпенглера* и метафизика «рабочего» *Э. Юнгера*. Первый думает о человеке как о «хищном звере» и видит его осуществляемое завершение – и конец – в господстве «цезаря», которому встали на службу массы, организованные экономикой, техникой и мировыми войнами; второй, мыслит в планетарном масштабе образ «рабочего» (не экономически, не социально, не «политически») – образ рабочего, в котором современное человечество становится составной частью «органической конструкции» суще-бытующего в целом. При этом, однако, ни тот, ни другой не могут быть накрепко связаны с наименованиями «цезарь» и «рабочий», которые ука-

зывают куда-то по направлению к великим *отдельным индивидам*, и делается попытка – и в том, и в другом случае – толковать их в смысле какого-то «прорыва» к сущности сверх-человека, то есть теперь уже твердо определившегося животного¹¹.

(Но такие формальные указания на действительно завершившиеся процессы мышления постоянно влекут за собой сокращение и сдвигание в сторону. Они хотят только продемонстрировать, сказать, что здесь только ведется борьба за позиции и точки зрения, каковая борьба разворачивает свою способность раскрывать-разоблачать что-то лишь только в непубличном споре с нею. Шпенглер и Юнгер – хотя они и происходили от одного и того же метафизического корня – мыслили в основе своей различно. Тот способ, каким они публично «действовали» и были отвергнуты, то есть использовались и были обезврежены, несущественен – он есть следствие запоздалой исторической (*historischen*) психологии. Чистый пессимизм заката у Шпенглера и чистый динамизм у Юнгера – это, и в том, и в другом случае, только лишь передние планы, фасады – из разряда бездумно навешиваемых ярлыков, в которых нуждается публичность.)

И на том, и на другом пути разворачивания метафизики Ницше, сущебытующее в целом мыслится махинативно, а человек как распространитель махинативности до преде-

---

¹¹ В отличие от «неопределившегося животного», как определял человека Ф. Ницше. – Прим. пер.

ла определяется, исходя из существенной впутанности-вплетенности в нее. Человек поэтому – как расчлененная масса и как отдельный член в такой расчлененности – постоянно оказывается одновременно и мощным носителем силы, и безразличным существом, и, тем более, руководящим началом вплавленным в единое. Поэтому последнее слово, которое произнесет тот, в ком перекрещиваются суще-бытующее в целом и бытие-человеком – это слово «судьба». Мышление мира, вызванное наивысшей волей к силе хищного зверя и безусловностью вооружения – это, во всяком случае, раз-признак завершения метафизической эпохи. Мировые войны, равно как и мир во всем мире (в двояком христианско-иудейском смысле) означают соответствующие махинативные затеи, которые в эту эпоху уже не могут быть больше средством для достижения какого-то замысла и цели – но не могут и сами быть замыслами и целями, а сами есть то, в чем должны найти завершение действительное и суще-бытующее, мощь и знак отличия состоит в покинутости бытием (ср. VII Пра-бытие и человек; ср. 63 Техника).

Апелляция к судьбе подразумевает капитуляцию покинутости бытия суще-бытующего перед нею и в то же время есть пустая победа сделавшегося лишенным выбора героизма человека как «субъекта». Ссылка на судьбу – это лишь обратная сторона исторического (historischen) понимания [слоистой] истории (Geschichte) – его расхожего «разъяснения» из суще-бытующего в тот или иной момент и из причин и це-

лей, которые были бы желательны в суще-бытующем.

Принятие судьбы, «Да», сказанное ей, – это выход в безвыходность метафизики, которая исчерпала себя во всех ее возможных вариантах и оборотах и, тем самым, совсем запуталась в самой себе. Там, где ссылка на какого-нибудь суще-бытующего «*Бога*» (иудео-христианского и на его разнообразные разуму варианты вроде «провидения» и тому подобного) не допускается по причине желания быть честным; там, где в то же время утратило свое очарование и притягательность отступление к «человеку» и его «творческому» великолепию-всевластию; там, где, какой-то выход видится в том, чтобы заниматься ведением этого «*мира*» в его покоряемости – и все же это не достигается в то же время, без помощи «человека» и его «страстного желания пережить-разжиться» и без помощи «бога» с его «утешениями» – тут бог, мир, человек – это разделенное натрое суще-бытующие как целое – блуждают потерянно как сферы, куда спасается бегством метафизика, безосновно в не имеющей основы истинне пра-бытия – метания-прыжки человека между угрозой и обеспечением надежности-безопасности или даже полным безразличием.

11. Искусство в эпоху завершения современности¹²

Искусство в эту эпоху доводит до завершения свою доныне существовавшую метафизическую сущность. Признаком этого является исчезновение художественного творения, хотя и не искусства вообще. Оно становится способом завершения махинативности, который выражается в простраивании суще-бытующего в безусловно надежную располагаемость сооруженного. Сотворенное – совсем иначе, чем раньше – полностью отступает в «суще-бытующее» – в «природу» и публичный «мир»; и отступает не как в составную часть, а как в сущностную форму проявления своей махинативности: шоссе для автомобилей, залов, аэропортов, огромные трамплины, электростанции и водохранилища, фабричные здания и укрепляющие сооружения. «Природа» изменяется сообразно этим «сооружениям», полностью превращается в них и предстает, удерживаясь только в их облике. Она становится «прекрасной» только через посредство этих сооружений и благодаря им, и только таким образом. Красота и сейчас еще остается – сообразно полностью исполненному в совершенстве метафизическому ха-

---

¹² (Vgl. Überlegungen VIII, 64 f., 89 f. (In: Überlegungen B. Gesamtausgabe Band 95)).

рактору искусства – основным предназначением и предопределением. Прекрасно то, что нравится и должно нравиться определяемой силой сущности хищного зверя человека; но за основным определением и назначением уже скрывается ее преходящая (изменчивая) сущность, поскольку в исчезновении художественного творения, ради чистой махинативности осуществляется закрепление полной покинутости суще-бытующего бытием. Поэтому, отпадает всякая возможность искать здесь, вдобавок, какой-то «смысл» этого искусства, который мог бы еще стоять «за» или «над» его «творениями». Искусство снова становится – но не просто в отступлении назад, а в обретении своей завершенности – чистым *techne* – в образе, конечно, современной техники и истории. Оно есть некое сооружение безусловной представленности-исполненности махинативности суще-бытующего – в образе ее включенности-пригнанности в махинативность, т. е. в виде сделанного им одолжения.

Существовавшие до сих пор виды искусств, приходят в упадок и продолжают существовать чисто номинально или как побочные, недействительные сферы занятий явившихся слишком поздно «романтиков», которые не имеют будущего – например, как изготовление «стихотворений» и «драм», соответствующих им музыкальных произведений, «картин» и скульптур. То, что создает искусство – это не *такие* «произведения» и даже вовсе не произведения в том смысле, который связан с историей бытия – произведения, который

открывали бы просвет пра-бытия – такой, в котором бытие только и могло бы впервые стать основой суще-бытующего; преподносимые произведения есть «структуры-конструкции» (формы *сооружения* суще-бытующего); «поэтические произведения» есть «оповещения-извещения» – воззвания в смысле *вызывания* уже суще-бытующего с вовлечением его в «Публичное», задающее меру всему и гарантирующее-обеспечивающее все. Слово, звук, образ – это средства для расчленения и движения, для осуществления встряски масс и сплочения их, короче говоря, для их создания и организации; мы не вправе сравнивать «кинематографический образ» и «кинотеатр» со знакомыми нам из истории «художественными творениями» и подходить к ним с теми же мерками, которыми мерили их; у них есть закон своей собственной размерности в обретающей метафизическую завершенность сущности «искусства», как сооружение – налаживание вседелающей и всеисчерпывающей-улаживающей делаемости суще-бытующего. «Игра светом в кинотеатре» есть публичная презентация – «новых» – «общественных форм поведения», мод, жестов, «переживаний», «подлинных» переживаний. Китчевыми являются не сами фильмы, а то, что они преподносят и распространяют как достойное переживания – вследствие махинативности переживаний. С махинативно-необходимым исчезновением художественных творений, которые имели прежнюю сущность, китч, проистекавший из подражания им, утрачивает свой статус альтер-

нативы и становится самостоятельным – а, как таковой, он уже больше не распознаваем. «Китч» – это не «плохое» искусство, а наивысшее искусство-умелость, но искусство-умелость делать пустое и чудовищное – чтобы позднее гарантировать себе значимость, когда публичная пропаганда призывает себе на подмогу его символический характер.

Но было бы не только неподобающе проводить исторические *сравнения* с материалом, который сам был обретен снова исторически – вообще не подобает всякая «привязка» к «ценностям» перешедшего по наследству исторического. Это может быть значимым только как учебный материал и как материал для побуждения к созданию «совершенного» искусства – в смысле лишенного возможности выбора, необязывающего ни к чему «историзма». То, что в «художественных конструктах» сегодня вновь обнаруживается Все Предшествующее, имеет свою причину не в недостатке собственного стиля, а в том, что подлинный стиль махинативной эпохи состоит именно в этом более никак не ограниченном перенимании всего, что годится для обустройства публичной жизни масс, в которой – как и в любом ином сообществе – наличествуют также *свои собственные* «индивидуальности и личности». Отсюда и возрастающее количество «благ», создаваемых «художественными занятиями», которое соответствует проистекающему из приоритета техники надежно обеспеченному ритму формирования всех затей и сооружений. Историзм не есть уже – как его предшествую-

щая форма в XIX веке – теряющая себя форма бессвязного и безудержного перепробования каких угодно возможностей опредмеченной истории; нет, он предварительно плотно включен в Махинативное всего суще-бытующего и благодаря этому только и обретает собственное уже связано-обязательное завершение и законченность. «Музей» – это теперь уже не есть больше место, где накапливается прошлое, а выставка, на которой представляется запланированное – к нему призывают, ему учат и, тем самым, обязывают. Это – в широком смысле понимаемое сооружение-конструирование «Земли» – не просто планируется и осуществляется в отдельных частях и отдельными шагами, в различных местах, а заранее – сообразно сущности планирования – планируется, исходя из целого, и это запланированное заранее преподносится заранее – и в то же время в доступном изложении. Преподнесение силы и представление силы – в виде чисел на марше, выставления их в ряд, в длину, высоту и ширину. Выставление на выставку означает, что показываемое, в сущности, уже надежно закреплено.

Акты преподнесения искусства сплошь и рядом имеют характер «потенциально заложенного в зачатке», характер заранее настроенного на планируемый, делаемый выход за пределы уже устроенного суще-бытующего, которое следует покорить и преодолеть – и это уже устроенное, в свою очередь, никогда не быть представлено как таковое, как ранее приуроченное – оно должно «органически» включаться

в «ландшафт», «органически» вписываться в общественные потребности и мероприятия; при этом то, *куда* приносятся дополнения, уже видится сообразно их махинативной сущности¹³, т. е. ландшафт уже заранее рассматривается «технически» – так, что «техническая» структура вполне сообразна ему и вписывается в него.

(*Приложение*: земли и долины, горы и воды видятся не «технически» – не так, будто ландшафт – а что еще ему остается? – предстоит быть *использованным с пользой технически*. *Сущее-бытующее уже вовсе не* допускается больше в качестве ландшафта – так, будто ландшафту только и остается быть использованным с пользой). Сущее-бытующее уже больше отнюдь не допускается в качестве ландшафта, и его покоряет силой также не чистая техника – нет, махинативное обеспечение и порядок сущее-бытующего в целом заранее определяет созданное, как созданное быть *заложеной раскрываемой возможностью* – тем, что уже заранее заложено и вложено в сущее-бытующее – и, таким образом, она уже заложена как возможность, предназначенная для гарантированного обеспечения устройства – как устройство, обеспечивающее гарантированную надежность. Основное предназначение устройство заложенной возможности – обеспечение возрастания силы в игривой ненавязчивости-незаметности высчитывания-просчитывания. О происхождении за-

---

¹³ Если мыслить строго, то это не есть ни еще видимый ландшафт – ни еще сама себя «формирующая – оформляющая» «техника».

ложенной возможности из потенции-стать-сделанным сравни выше.

Характеру «заложенной возможности» привносимого соответствует тот вид, в котором его представляют, и то, каким образом обходятся с ним в обиходе: завладение-покорение, интеграция в качестве части и *заучивание-разучивание его как «переживания-разживания»*, то есть надрессированность-натасканность на то, чтобы принимать и оценивать все, что угодно, целиком и полностью только исходя из механизированной сущности суще-бытующего (пусть даже и сокрытой и непостижимой); если так выразиться: не искать больше ничего за суще-бытующим и ничего над ним, но не чувствовать «пустоты», а находить и искать исключительно и, как максимум, пере – и разживаемое в осуществлении-завершении махинативного, в «своей собственной» *втягиваемости-вовлекаемости* в массовидную «жизнь» – и впредь требовать именно такового как единственно значимого и ценного, и единственно дающего гарантированную уверенность.

Потенциальная заложенность и *заучивание переживания-разживания* принадлежат к сущности махинативной гарантированности-надежности суще-бытующего в целом и втянутого-вовлеченного туда обеспечения гарантированного выживания человека. Но эта завершающе-совершенная метафизическая сущность искусства еще не испытывает нужды в том, чтобы быть понятой сразу же; наоборот: со-

образно покинутости бытием суще-бытующего, к устройству-обеспечению которого со-причастно искусство, забвение бытия человеком добавляет к мере своей безграничное. То, что «собственно-подлинно» происходит здесь пра-бытийно в эпоху завершения, то есть если понимать это, идя от пра-бытия, должно было не только сокрываться, но даже и лукаво искажаться. Явно выраженное рассмотрение искусства и занятие им (вплоть до занятия историей искусства) стало двигаться в совершенно иных «категориях» мышления – а именно в тех, которые стали потребны благодаря отведению приоритета человеку как субъекту, благодаря подаче-толкованию суще-бытующего в целом и человека в частности как «жизни»; «искусство» принято считать «выражением» «жизни», и оно оценивается в соответствии с тем, насколько широко ему это удастся; причем то, что есть «жизнь», в то же время уже со-определяется – устанавливается через стиль «художественного» преподнесения (например, мужественность мужчины усматривается в огромных мышцах и половом органе, в пустом взоре, в лице, не выражающем ничего, кроме брутальности). Толкование «искусства» как «выражения», однако, дает в то же время указание на то, что оно (пусть даже если оно исторически трактуется как нечто, связанное с «художественным творением» и возможностью доставлять наслаждение) вынуждено довольствоваться сущностью заложенной и усматриваемой возможности, освоением-присвоением которой может

происходить – как и полагается – только посредством заучивания переживания-разживания. История (Historie), как наука благодаря этому обретает «новый» «горизонт» изложения-толкования – не созданный себе самой собою, а тот, который, исходя из соответствующего отрезка времени, обеспечивает-гарантирует донныне не использовавшиеся возможности новых «познаний», а, тем самым, в то же время дает по отношению к сопутствующим современникам надежное-гарантированное средство доказать их «превосходство» и «новое» «пробуждение», а также становится поводом к тому, чтобы обеспечить-гарантировать их исключительную незаменимость.

(Но в этой исключительной незаменимости наука стала чем-то полностью иным – в сравнении с тем, чем она могла предполагать быть когда-то: отнюдь не основополаганием и не путем основополагания существенного *знания*, а «техническим» сооружением-налаживанием натаскивания на надежность переживания-разживания «перед лицом» махинативного; по этой причине формы, в которых производится наука, достигшая в современности завершения-совершенства, тотчас же в наиболее чистом виде обрели свою форму там, где они получили возможность работать с неограниченными средствами возведения-сооружения и представления: «университеты» в любом из направлений – это еще только вспомогательные формы выучивания – в отличие от исследовательских учреждений и проектных бюро и профессио-

нальных высших школ любого рода.)

Искусство становится, таким образом, сообразным вещам вы-формировывания способов представления и изготовления-производства махинативного суще-бытующего; оно сообразно вещам потому, что оно ограничивает вещное именно таким вы-формировыванием так и остающихся полностью в рамках служебности способов промышленного производства и допускает как «вещно-деловое» только поддающееся махинативному планированию. Искусство есть устройство-закладывание потенциально заложенной и открываемой затем делаемости всего суще-бытующего; поэтому оно априори не оставляет выбора. Искусство – в своем сущностном подобии с техникой и историей (Historie) – принимает на себя устройство-возведение суще-бытующего, бытие которого предрешено как махинативность, по каковой причине искусство никоим образом не есть игровое пространство для делания выбора, и за ним нельзя признать способность к выбору. Эту суть искусства трудно усмотреть именно с близкого расстояния, лицом к лицу исторических сравнений, производимых историей искусств, и еще труднее разглядеть в ней завершение метафизической сущности искусства.

(Напротив, установление сущности искусства как приведения-в-действие истины (пра-бытия) есть скачок вперед, в другую историю (Geschichte) – и лишь с целью злоупотребления здесь можно, исходя из этого, толковать историю

метафизического искусства; поскольку в этом искусстве и оформляется-формируется бытие суще-бытующего, связанная с историей пра-бытия сущность искусства может толковаться, прежде всего, исходя из [многослойного] исторического воспоминания, причем и это толкование уже мыслится больше не как метафизическое, а как связанное с историей пра-бытия). (Ср. Доклады об истоке художественного творчества.)¹⁴

Понятие Ницше об искусстве как «симуляции жизни» описывает специфически-уникальную промежуточную позицию между эстетическим, метафизическим искусством, творящим художественные творения – и завершившимся-совершенным закреплением сущности искусства как способа обустройства-налаживания махинативности, а потому остается совершенно в метафизической сфере – разумеется, на ницшеанский лад – как выворачивание наизнанку платонизма. И свойственное Ницше толкование искусства разворачивается сегодня – более грубо или более тонко – в планирование искусства, а именно так, что этим озабочено Масовидное «жизни».

Подлинно современное искусство, которому еще пришлось вырасти за рамки того, что желал бы видеть как искусство Гегель и что пытался творить как искусство XIX век, отличается тем, что сквозь пробивающийся через суще-бытующее характер закладывания возможностей с их после-

---

¹⁴ Der Ursprung des Kunstwerkes. In: Holzwege. Gesamtausgabe Band 5. S. 1–74.

дующим усмотрением уже, собственно, не проступают, не просматриваются как «художественные творения». Наряду с этим имеет место – а отчасти и желается и даже поощряется, исходя из того же духа, историческое (*historische*) продолжение профессиональных занятий искусством XIX века, что оценивается в аспекте культурной политики, но оно остается недействительным и оказывается лишь каким-то признаком историзма (*Historismus*), который так и переливается всевозможными своими цветами. И, кроме того, наряду с этим происходят или практикуются вкрадчиво уверенные в своем эстетическом вкусе забота и наслаждение историческими (*historischen*) традициями западного искусства – по большей части поддерживаемые и направляемые распространением работы культурно-исторического плана через посредство образования.

Напротив, постижение не ищет искусства во всем этом, поскольку такое постижение не вправе больше обсуждать направление и вид до сих пор существовавшего искусства и *его* возможности, но должно поставить перед выбором, направленным на изменение *сущности* искусства, и сделать это, прежде всего, только исходя из основополагающего решения о господстве махинативного сущее-бытующего и основоположении истины пра-бытия.

Такое подводящее к выбору постижение искусства происходит за рамками всех и всяческих теорий искусства, поскольку преодоление эстетики может оставаться лишь при-

входящей задачей, а, сверх того, оно легко может быть истолковано превратно, поскольку может навести на мысль, что можно менять эстетику, как перчатки, посредством какого-то другого рассмотрения.

Речь также идет не о том, чтобы противопоставлять особю «произведение-само-по-себе» – художнику и тем, кто это произведение воспринимает, а также [слоистым] историческим обстоятельствам и действенным взаимосвязям, которые обусловили художника и воспринимающих произведение искусства; ведь и такое подчеркнутое противопоставление не должно быть следствием метафизически познанного искусства; художественное творение при этом понималось бы только как «предмет».

Вопрос о «художественном творении», поставленный в свете истории пра-бытия, будет иметь, однако, другой смысл – как только оно в сущности своей будет рассматриваться вместе с самим пра-бытием и полаганием основы его истины. Художественное творение само теперь будет выполнять сущностную задачу, решение которой будет способствовать выбору в пользу пра-бытия.

Художественное творение не есть ни чувственно-образный, смыслоизображающий предмет, ни что-то такое, что «заложено» в устройстве суще-бытующего, но есть просвет пра-бытия как такового, и этот просвет содержит выбор, ведущий к иной сущности человека. Искусство теперь имеет характер Вот-Тут-Бытия; оно есть нечто, выходящее за

рамки всех и всяческих усилий создать «культуру», оно не принадлежит человеку – ни творящему, ни воспринимающему – оно есть места совершения выбора редкостно-уникального; «художественное творение» есть собрание чистейшего одиночества над безосновной пропастью пра-бытия; творения никак не касается ни «слава», ни безразличие невнимания; оно, по сути своей, остается в удалении в стороне от «публичности», равно как и от «частной, приватной» игры, но есть принадлежность единственно того настоятельного стремления к закату, который только и может стать единственно соответственной сущности [слоистой] историей, которую оставляет просветом пра-бытия. Полная непривязанность художественного творения к суще-бытию и его привычным формам обустройства включает в себе гарантию взаимопринадлежности с творящим, которая не привязывает его «биографически» к его делу, но бросает его вот-тут-бытие как «жертву» в пропасть безосновности. Однако и «жертва» тоже не может быть больше «предметом» скорби и почитания, потому что и такое воспоминание еще остается в плену одухотворенного *занятия культурой как делом* – и снова вырождается, падая вспять, в очеловечивание искусства. Сущность «жертвы», само название которой, исходя из ранее существовавшего словоупотребления, слишком легко допускает ложное толкование, состоит в молчаливой настоятельности оставления позади закоснения истины пра-бытия, в чем имеет подлиннейшую сущность свою

борьба между рас-противлением встречи и спором¹⁵. Потому это *есть* только творение – то, что выставляет для выбора сущность богов и человека между чередующимися вызовами земли и мира в их сущности. То, что *не* позволяет заправлять тут всем ближайшей окрестностью такой подготовки к выбору, возможно, может еще служить общению-болтовне (для оттеснения скуки) – оно может выступать как заявление о себе (самооглашение) и подтверждение налично-подручного, и должно позволять «выставлять» себя предметом из круга достойного удивления, но оно нигде и никогда не есть «творение». Масштабы будущего «искусства вообще не должны калькироваться-сниматься с масштабов до сих пор существовавшего метафизического искусства, и даже тогда, когда их ищут в каком-то «Классическом», превознося его как нечто, способное превзойти само себя.

Все и всяческое историческое (historische) поучение-наставление о доньше существовавшем и сегодняшнем искусстве поэтому тоже изолировалось уже от всего и всяческого выбора, если оно не отваживается прежде всего и при всякой возможности познания прокладывать пути к постижению смысла. Так как Нечто Такое остается невозможным, если заниматься наукой как некоторым промыслом, потому что здесь *знание* существенного стало неизвестным, от исторических наук о духе тоже не может исходить никакого толчка к постижению смысла.)

---

¹⁵ Строго помыслено, есть.

Но там, где внезапно появляется кажимость постижения смысла, тотчас же возникает и возможность проследить, к чему тут все устремляется. Во-первых, на всеобщее обозрение выставляется расчленение положения («ситуация»); во-вторых, планирование компетентных «экспертов по будущему» (Künftigen)¹⁶ пытается обеспечить безопасность и надежность. Расчленение («аналитика») и планирование («конструирование») взаимно способствуют друг другу, не только в большинстве случаев не только является введением к другому, но и это другое уже определяет пути первого. Аналитически-конструктивное «мышление» в своей решительности и решимости совершенно соответствует неограниченной силе махинативности: оно демонстрирует во всех сферах человеческого устремления и действия одно и то же однообразие формы и определяет стиль видимости решительности-решимости, готовности делать выбор, который питается целиком и полностью нерешительностью, неспособностью принимать решения и делать выбор; а она все больше и больше укрепляется, становясь той «предпосылкой», на которой ширится не знающее границ пересиливание силы как чистая действительность действенного-эффективного. То, что при этом еще привносится из областей «либерального» культурного оптимизма в качестве сопротивления, остается несущественным, пусть даже оно и мо-

---

¹⁶ Игра слов: die Künftigen – «знатоки будущего, футурологи». В противовес им die Zu-Künftigen – это провидцы, люди грядущего, прозорливцы и поэты.

жет порой выдаваться за «успех»; выступая только как сопротивление и ничего, кроме сопротивления, оно погрязает в донине бывшем и впутывается во все возрастающую зависимость от исторических потребностей, от которых оно – хотя и напрасно уже по самой сути своей – пытается уклониться. (Иудейско-христианская власть – сообразно роду и виду своему – ведет двойную игру и встает на сторону «диктатуры» пролетариата и, в то же время, на сторону либерально-демократического устремления к культуре; эту двойную игру еще вуалирует на протяжении некоторого времени уже существующая утрата корней и отсутствие силы для того, чтобы сделать существенный выбор.)

Первое время, конечно, может создаваться видимость того, что здесь осуществляется нацеленность на постижение смысла или только «спасение», а местами и «действия», пусть даже и в таком направлении, что сущность подлинно (слоистом) историческом постижении смысла Запада при этом недопонимается, а если и смутно угадывается, то затем приводит в растерянность и вводит в заблуждение. То, что завершение современности, «собственно», есть завершение метафизической истории Запада и, одним словом, готовит, тем самым, высочайший по значимости выбор (ср. 8 К постижению смысла), что единственно обладает обязывающей исторической силой для постижения смысла, открывается проще всего в историческом движении начинающейся эпохи: она основывается на – представленном-подготов-

ленном метафизикой в разнообразных образах – различении суще-бытующего и бытия. Махинативность наделяет себя полномочиями через суще-бытующее и наделяет забвение бытия неограниченным правом. К бытию (идеалы и ценности) апеллируют до сих пор существовавшие занятия «культурой» (христианско-иудейского, демократически-западного и американского вида).

Махинативность и занятие культурой как производством ставят суще-бытующее и бытие в противоречие крайней степени напряженности – как задающее меру и масштаб – и в то же время притязают – и в том и в другом случае – на уделение внимания и заботу по отношению к разделяемому ими. Махинативность суще-бытующего встраивает в свои планы занятие культурой как производством – как средство, обеспечивающее силу и власть. Точно так же демократический оптимизм по поводу культуры приписывает себе способность спасения и освобождения масс, и использует технику, и способствует ее развитию во всех его «достижениях». Начинаясь эпоха становится исторически безграничным, взаимно подыгрывающим друг другу разворачивания силы и власти метафизически различаемого: суще-бытующего и бытия; и для этого разворачивания силы и власти существенно, чтобы оно для завершения и достижения полноты своей собственной сущности нуждалось в отсутствии постижения смысла самой себя и чтобы все толкования и возвещения своей сущности оно осуществляло указанием на свою проти-

воположность своим оппонентам-контрагентам, которая всякий раз – только кажущаяся и поверхностная.

Самое неприятное – которое уже есть знамение без-дно-основы – есть то, что в этом процессе сущее-бытующее бытия отбивается-отделяется и прибавляет в несокрушимости, не позволяющей противостоять ему – и это удастся ему тем более, чем более неумолимо его занятия культурой и его идеалы вынужденно делаются всего лишь выходами вон, опиумом и негодными средствами какого-то пустого сопротивления, которые не могут возыметь эффекта.

Так возникает историческое состояние, в котором пра-бытие уже больше не выглядит как нечто эфемерно-летучее и призрачное, вроде самой бледной тени некой пустой мечты; пра-бытие – это отозвавшийся эхом последний отзвук всего лишь звука слова – и вопрос вослед? даже не заблуждение – только безразличие.

12. Изначальное мышление, которое создает готовность...

Изначальное мышление, которое создает готовность к выбору между положением основы истины пра-бытия и допущением полной разнузданности махинативности суще-бытующего, будучи уже выдвинутым за пределы той эпохи, в которую только начинается его завершение, находится в особых условиях.

Такое мышление не вправе манить какой-либо успех или отпугивать какая-то неудача; таким постижением смысла не может двигать какая-то надежда, и никакая безнадежность не может подавлять его. Единственно необходимость не выбранного с самого первоначала – вот причина мыслительского постижения смысла. Эта необходимость не имеет ничего общего от простой неотвратимости «судьбы», она есть пережитое освобождение в бедственном положении пра-бытия, что оно *сущит* как *необходимящее*.

Однако эта причина разворачивает свою причиняющую силу только тогда, когда это мыслительское постижение смысла проистекает из знания «определенного» Вот-Тут-Бытия (происхождение которого уходит в историю пра-бытия): мыслить так, словно пить долгими и жадными глотками, мыслить об истине пра-бытия и этот путь мысли изредка прерывать кратко набросанным тезисом о пра-бытии ис-

тины.

В мыслители, которые пребывают «в курсе» будущего, годится только тот, кто способен снова и снова проходить в молчании такие дальние пути, о которых не принято распространяться. Тот, кто не продвинулся в этом и никогда не признавал порога, на котором происходит преобразование-превращение человека в Вот-Тут-Бытие в краткое время сильных потрясений всех временных пространств сущности – тот не знает, что значит мыслить.

Коридоры-проходы к обоснованию истины пра-бытия временами подходят к утраченным пунктам, намечая границы человеческих возможностей – и дают в этом свойстве своем гарантию, что однажды они прольют свет на пространство игры времени и тогда разрушить эту возможную опору уже не сможет никакое сущее-бытующее.

Только тогда, когда эта история (Geschichte) экстрадиции существенных мыслителей этого начала перейдет от порчи их к знанию их, философия будет избавлена как от приукрашивания, так и от унижения, которые практикует история (Historie); ведь тогда она обретет единственно подобающую и сообразную ей самой основу – ее собственную необходимость как прыжок вперед в единственность-уникальность пра-бытия. Она включится в игру в игровом пространстве времени пра-бытия ее истины. Таким образом, она не принадлежит ни богам, ни человеку, ни есть нечто, произросшее из земли, ни нечто, образованное миром; оно есть середина

перекрестия всего суще-бытующего – в смысле не знающего основы и дна коловращения, хранящего в себе все и всяческое простое сомнительное, достойное вопрошания.

Она есть знание, определяющее выбор и обретенное в выборе – знание, которое само решается-выбирается пра-бытием. Так проясняется – отрезок за отрезком – и путь изначального мышления, которое столь легко теряло себя в некоторой расколотости:

Следует ли сначала измениться человеку, чтобы, тем самым, через посредство его пра-бытие восприняло об-основание своей истины;

Либо же Первым должно стать то, что само пра-бытие со-бытует истину и вынудит-подвигнет человека к некоторому выбору;

Либо не годно ни То, ни Другое?

Если пожелать сперва взрастить-воспитать в строгости сильный род человека, который годился бы произвести основоположение пра-бытия, то это означало бы – все еще мыслить человека как субъекта суще-бытующего – так, что достаточно было бы всего-то взрастить-воспитать в строгости какой-то другой способ заниматься суще-бытующем, который уже был бы признан всего лишь продолжением до сих пор существовавшего.

А если пожелать понадеяться на просветление пра-бытия сразу же в откровении, то и человек таким образом останется оттесненным в его Прежнее.

Ни расчет-высчитывание, ни пустая надежда не могли бы выдержать-вынести переход, но могло бы выдержать только выраспрашивание, постановка вопроса о крайнем выборе, которая изначально была измыслена в мысли проницающих грядущее – и при этом уже осталась-сохранилась бы для слова пра-бытия.

Поскольку теперь всякое существенное мышление мыслит единственно ради пра-бытия, пути этого мышления повсюду подобны то нерегулярным разбегам перед прыжком, то неоконченным подходам – движениям в Вот-Тут-Бытие – которые сообразны бытию, то есть со-бытийны; они – не описание суще-бытующего, не толкование чувственных образов, а прыжок со-бытования-с-бытием.

III. Философия

(Самопостижение: исторический внутренний конфликт; соответствующее истории пра-бытия мышление – метафизика)

13. Философия

В игре, – в которую в будущем вынуждено будет «вступить» само пра-бытие – на кону стоит то, что еще никогда не стояло на кону в истории мышления: то, что будет выспрошена-расспрошена истина пра-бытия, под эту истину будет подведена какая-то основа, и человек – меняясь и преображаясь – станет в этой основе безосновно-бездонным: это будет трясение не только «земли» и потрясение «народов», но и сотрясение суще-бытующего как такового в Целом. Предстоит единственный выбор: либо пра-бытие выраспрашивается в сущности своей истины, либо суще-бытующее сохраняет свою махинативность и распространяет без-выборность, которая препятствует тому, что когда-либо еще будет предстоять что-то уникально-единственное и наступит какое-то начало.

Правда, всякий разговор о «выборе» (ср. 16. Пра-бытие; 39. Просвет пра-бытия и человек) сейчас легко может пасть жертвой тех опасностей, которое несет с собой это роковое «ключевое слово»; ведь многое, что громко и часто выдается за «решающий выбор», есть лишь фасад давным-давно выбранного – решенного и последствие, связанное с потомством, которое избегает всякого выбора. И все же, всем злоупотреблениям вопреки, должно быть сказано слово о выбо-

ре – сказано в виде вопроса: есть ли это выбор¹⁷ между «бытием» и «небытием», то есть между сохранением подручно-наличного, подлежащего продвижению дальше, и прекращением таких воззрений и путей, или же это – выбор, более уходящий вглубь, к изначальному: выбор между пра-бытием и суще-бытующим изначальный (ср. 39. Просвет пра-бытия и человек). Ведь этот выбор не есть выбор относительно «бытия», а только выбор, касающийся только спасения или утраты все же без-вопросного в своем бытии суще-бытующего (Все-Жизни современной озабоченности культурой и властью).

Безразлично, заслуживает ли выбора, «бытийствуем» мы или «не бытийствуем» – качестве народов и индивидов этой эпохи – или, заполучив надежное обеспечение гарантированности этой «жизни»; заполучили ли мы надежное обеспечение этой «жизни» или просто отдаемся течению эпохи и ее внутреннему упадку при кажимости разворачивания силы и безграничного изобретательского «искусства» и безграничной способности обустроиваться. Раз-выбирая, если угодно, означает – только и делая впервые единственный выбор и разворачивая его, определяя жребий будущего – означает всего лишь: либо пра-бытие само (пра-бытие всего возможного суще-бытующего в целом) прежде придет в свою обоснованную истину, либо оно будет затеняться и вообще покрываться ночной тьмой, наводить которую будет одна лишь

---

¹⁷ Что значит – выбор (Ent-scheidung)? почему этот и в пользу чего?

чистая действительность и действенность суще-бытующего. Выбор этот не есть выбор выбирающего между «бытием» или «небытием» человека, а выбор между истиной бытия того или сего и всякого иного возможного сущебытующего – и махинативностью покинутого бытием сущебытующего в целом.

Выбор принадлежит к сущности самого пра-бытия и не есть нечто, сделанное человеком, потому что он сам воспринимает-принимает всякий раз из этого раз-выбирания и отказа от него как невозможного основу и основополагающее своей сущности либо суетливо-деятельное и быстро-преходящее в ней. Вы-раз-бирает пра-бытие; в своем сущении и как таковое оно отвязывается, раскрепощаясь, в событии-с-бытии; (выбор не подразумевает здесь осуществляемые задним числом переменчивые занятия принципиальных позиций).

Как отказ-неприятие, оно вырывает себя из всякого разделения сущебытующего, подлежащего разделению по видам; оно уже больше не позволяет называть себя «метафизическим» – как бытие «этого» сущебытующего, уравниваемого с ним или предпосылаемого ему либо даже признаваемого второстепенным, заднеплановым по отношению к нему.

Пра-бытие есть выбор по отношению к себе самому как без-основной пропасти – и, таким образом, не поддающаяся обоснованию острая потребность в необходимости всего и всяческого обоснования – и посредством этого сокрытое

торжество Вот-Тут-Бытия, а потому – существенные места возможной истории человека, потому что далее – безосновность пропасти как хаос (зияние как удержанный зевок) богов (ср. ниже С. 83).

Первое и самое долгое, что следует знать философии на будущее – то, что пра-бытие должно быть основано, исходя из ее истины.

Поэтому постижение смысла философией вынуждено основываться на ней самой, то есть на том, что должно быть развито в мысли в ней – столь решительно, как никогда прежде, это должно быть постижением смысла ее «времени». Ей надобно знать Сегодняшнее – но не как принадлежащее к какой-то «исторической ситуации» и потребное для достижения целей практического способствования чему-то и видоизменения чего-то, а как существенные знаки-намечки, подаваемые сущностью современной эпохи, рассмотренной в свете истории пра-бытия. Единственно, что и это постижение смысла служит не какому-то расчету, только более широко задуманному, или даже «выделению типов» «мировых эпох», а единственно отзвуку самого бытия, который дает знать о том, что оно – как махинативность сущебытующего в целом – покинуло содеянное им самим и отказалось от увлеченности им как «жизнью» – так, что в тишайшей тиши и покое стало готовить то, в чем испытывает острейшую потребность – потребность, скрытую под деланной беззаботностью – потребность в выборе ценой разрыва. От этого выбо-

ра – от самого пра-бытия – и со-бытуется философия как событие – в той мере, в какой она становится подлинной философией по сути – как вы-раз-думыванием пра-бытия (ср. ниже С. 357); она сама принадлежит без-основности пра-бытия и остается чуждой во всей и всяческой «культуре». Только вот одно-единственное: если на кону в игре стоит этот выбор «этого» пра-бытия между бытием и сущебытующим и пра-бытие способствует основоположению своей истины и способствует тому, чтобы вообще еще и снова сущиться открыто в публичном, представлять как мышление человечеством пра-бытия, то философия вынуждена будет снова стать началом в истории бытия и для него. Для того, чтобы стать таким началом, она должна иметь хотя бы малейшее представление о том, что она обладает сообразным сущности и правомерным достоянием своей собственной необходимости. Она обретает для себя это достояние единственно посредством постижения смысла самой себя. Она не вправе поддаваться принижающей иллюзии, которая сопутствует всякому постижению смысла – что оно, якобы, всегда есть следствие нерешительности, желания оттянуть выбор и прикрытие неспособности к действию.

Мы еще мало знаем в наших оценках о деятельном характере мыслительского мышления; мы еще не разгадали полностью ту загадку, что философия часто и легко определяется, исходя из отблеска-отражения чуждого ей (учености, мудрости), что она сама, вероятно, разбужена им и обуслов-

лена им в своем составе-содержании. В постижении смысла философия отваживается проникнуть в определение пред-
посланного ей – того, что должно быть раз-мысленно в ней и
через посредство ее, и что должно быть в силу этого мышле-
ния положено основой в Вот-Тут-бытии, чтобы таким обра-
зом спасти человеку тайну его сущности, но не уничтожить
и не развеять ее.

Откуда же, однако, это мышление берет указание на свой
образ мышления? Откуда – если не из самого вы-раз-ду-
мывания! Но как, спрашивается, даруется указание на вид
мышления еще до того, как начинается это выра-с-праши-
вание? Не верна ли здесь с самого начала – и если вер-
на, то почему – старая пословица: τοῖς ὁμοίοις τὰ ὅμοια
γυγνώσκεισθαι¹⁸ – «Лишь посредством подобного (и только)
приносится в знание подобное»?

Пра-бытие выступает как это решающее-выбирающее пе-
ред мышлением – и оно постоянно есть самое достойное во-
прошания сомнительное. Подобрать этому может быть лишь
высочайшее оценивание-признание, та способность набра-
сывать-рисовать великое еще более великим, чтобы оно при-
бавляло и прибывало, тем самым, в своем величии. Ведь
только великое обладает способностью становится еще бо-
лее великим, в противоположность чему малое выдает свою
сущность в том, что оно всегда преуменьшает ее, пусть даже
и «только лишь» так, что оно всякий раз заявляет претен-

---

¹⁸ Ср. Aristoteles, De anima (Biehl/Apelt). Leipzig (Teubner) 1911. A 2, 405, b 15.

зию на великое как на свое. Наиболее чистое воз-величивание – это признание-оценка, в котором признаваемое-ценимое полностью принадлежит ему самому. Поэтому спрашивание в смысле вы-рас-спрашивания наиболее сомнительного-достойного вопрошания – это вовсе не тщетная назойливость, а упрощение всего знания в единственное мыслительское признание и оценивание по достоинству не есть ни попытка втереться в доверие, ни превзойдение, но – спор как *установление, исходя из взаимного общения*, которое вынуждено отважиться удовлетворить собственную существенную настоящую потребность. Установление-из-взаимного-общения-в-споре выставляет-подставляет вопросы бытию так, что оно оценивается как спрошенное и перенимает свой ответ, вкладывая его в основоположение Вот-Тут-Бытия.

Человек входит в постижение смысла, вопрошая пред собой об истине пра-бытия – и таким образом вбирает-воспринимает его «само» в проистекающее отсюда изменение сущности: в близость превращения в Вот-Тут-Бытие. Постижение смысла есть в то же время освобождение от «свободы» «субъекта», от свернувшегося в себя разчеловечивания человека. Постижение смысла есть преодоление «разума» – будь то в виде простого опроса-внимания пред-заданному будь то в виде рассчитывания и объяснения (ratio), будь то в виде планирования и обеспечения гарантированной безопасности. Для «разума» остается недоступной суть истины;

он есть всегда лишь поверхностное мышление, обращенное к сущее-бытующему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.